1744
11 АПР. 1908
Секретнаго Отдѣленія
КАНЦЕЛЯРІИ МОСКОВСКАГО
ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА.

Изданіе для народа.

Вал. Свенцицкій.

ВТОРОЕ РАСПЯТІЕ ХРИСТА

(ФАНТАЗІЯ).

Москва.
Типографія О. Л. Сомовой. Б. Никитская, д. Шапошниковой.
1908.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ
209866

Второе распятіе Христа.

(*Фантазія*).

Это произошло во время пасхальной заутрени.

Толстый священникъ о. Іоаннъ Воздвиженскій кадилъ на всѣ четыре стороны. Хоръ подъ управленіемъ всегда выпившаго регента Пугвицина пѣлъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“.

Кухарки крестились, клали низкіе поклоны, искоса поглядывая, не украли ли куличи и пасхи, принесенные для освященія. Наряженные барыни и кавалеры христосовались другъ съ другомъ.

Словомъ, было то, что каждый годъ повторяется въ тысячахъ православныхъ храмовъ во время пасхальной заутрени. И никто не подозрѣвалъ, что въ эту ночь свершилось великое чудо.

О. Іоаннъ Воздвиженскій, стоя въ алтарѣ, думалъ о томъ, не перекисло ли тѣсто на куличи у жены его, такъ какъ она сегодня проспала. Пугвицинъ, стоя на клиросѣ, придумывалъ, какъ бы ему поти-

хоньку отъ жены, послѣ ранней обѣдни, пробраться къ Терехову, у котораго предполагалась вечеринка холостяковъ. Кухарка Андроновыхъ думала о томъ, чтобы съ заутрени успѣть отнести маленькій куличикъ пожарному. Зизи краснѣла при одной мысли, что ей сегодня предстоитъ христосоваться съ Коко. Гимназистъ Ника блестящими глазами смотрѣлъ на кузину Зою и предвкушалъ, какъ онъ на улицѣ, когда не будетъ видѣть m-lle Куанонъ, поцѣлуетъ ее. Маленькій Ваня обкапалъ себѣ рукавъ воскомъ и старался оттереть пятно, покуда не замѣтила тетя Вѣра...

Въ ту же самую ночь, въ далекой заглохшей монастырской оградѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Марія Магдалина, найдя гробъ пустымъ, въ испугѣ бросилась разсказать ученикамъ, что тѣло Господа унесли, на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые смерть была побѣждена Богочеловѣкомъ, свершилось великое чудо: Христосъ, послѣ своего воскресенія, по доносу Синедріона и предписанію кесаря снова положенный во гробъ, опять воскресъ.

Была тихая весенняя ночь. Горѣли яркія звѣзды. Душистый туманъ подымался отъ молодой зеленой травы. Не было вокругъ могилы Христовой стражи, не было учениковъ. Свѣтлый ангелъ тихо отвалилъ тяжелый камень, умылъ ноги Іисуса, принесъ ему новыя одежды и улетѣлъ къ далекимъ небесамъ.

Христосъ остался одинъ.

Скользя какъ тѣнь, блистая радостнымъ побѣднымъ свѣтомъ, Онъ вышелъ со стараго монастырскаго кладбища и пошелъ по дорогѣ.

По обѣ стороны ровныя поля. Пахнетъ сырой весенней землей. Невысокія озими тѣнями сѣрѣютъ въ темнотѣ. Радостно, торжественно горятъ звѣзды, словно ниже спустившіяся надъ землей.

Вдали показался храмъ. Колокольня вся была украшена цвѣтными лампочками. Изрѣдка сбоку взлетали ракеты. Окна горѣли, словно внутри храма былъ пожаръ.

А въ храмѣ о. Іоаннъ Воздвиженскій все кадилъ, все кланялся; хоръ подъ управленіемъ Пугвицина все пѣлъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“...

Христосъ подошелъ къ храму. Двѣ, три старушки ниціи, должно быть узнавъ Его, поклонились Ему до земли. Онъ благословилъ ихъ и взошелъ въ церковь.

Заутреня подходила къ концу. Кухарки уже начинали разбирать куличи. Гимназистъ Ника дергалъ кузину за рукавъ и шепталъ ей:

— „Идемъ... m-lle насъ догонитъ... мнѣ нужно сказать вамъ...

Въ послѣдній разъ запѣли:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію смерть поправъ,
И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!“...

На нѣсколько мгновеній въ церкви наступила какая-то странная тишина. О. Іоаннъ не могъ сдѣлать своего привычнаго „возгласа“; о. дьяконъ не могъ подтолкнуть о. Іоанна; Пугвицинъ не могъ кашлянуть, чтобы дать понять батюшкѣ его оплошность.

И вдругъ раздался странный, словно откуда-то съ неба идущій голосъ:

— „Воистину воскресъ!“

Взоры всѣхъ устремились сначала кверху, потомъ стали искать по сторонамъ и, наконецъ, обратились къ входу и съ ожиданіемъ, ужасомъ и недоумѣніемъ уставились на страннаго человѣка въ бѣлыхъ одеждахъ, стоявшаго недалеко отъ старосты.

Нѣсколько минутъ въ церкви было полное замѣшательство. Неизвѣстный съ радостнымъ и въ то же время скорбнымъ лицомъ смотрѣлъ на народъ. И каждому казалось, что глубокіе, лучистые глаза неизвѣстнаго устремлены именно на него.

Быстрѣй всѣхъ пришелъ въ себя староста, купецъ Бардыгинъ.

— Послушай, любезный, сказалъ онъ негромко, но внушительно: пойди-ка сюда...

Христосъ подошелъ. Плотной стѣной вокругъ нихъ столпился народъ.

— Что тебѣ нужно? Зачѣмъ нарушаешь благочиніе въ храмѣ? Откуда ты взялся тутъ?

— Я воскресъ изъ мертвыхъ.

По толпѣ прошелъ сдержанный ропотъ.

— Уйдемъ, — сказала Зизи: — они его еще бить начнутъ.

— Ты пьянъ, любезный!—строго сказалъ староста.

Христосъ молчалъ.

— Какъ тебя звать?

— Іисусъ.

— Іисусъ?...

— Да.

— Ты жидъ?

— Да, я—іудей...

Въ это время подошелъ сторожъ Трофимычъ, строгій, коренастый старичокъ, не любившій никакихъ безпорядковъ. Его прислалъ изъ алтаря о. Іоаннъ. Ни слова не говоря, онъ взялъ незнакомца за руку и потащилъ къ выходу.

— Убирайся-ка по добру, по здорову, пока въ шею не наклали,—говорилъ онъ ему, подталкивая въ спину.

— У, жидорва!—бросилъ вслѣдъ уходившему полицейскій чинъ.

Двѣ нищія старушки снова упали на колѣни передъ Христомъ. Онъ вышелъ изъ церкви и тихо пошелъ къ невысокому холму, откуда доносился шумъ березовой рощи. Молодые клейкіе листочки нѣжно говорили другъ съ другомъ, и тихая ночь таинственно прислушивалась къ ихъ говору.

2.

Настало утро. Христосъ все сидѣлъ на холмѣ подъ ласковой тѣнью молодыхъ березокъ. Задумчиво смотрѣлъ онъ на громадный каменный городъ, разстилавшійся передъ нимъ. Церковь, изъ которой вчера выгнали его, была на самой окраинѣ: бѣлая, новенькая.

Мимо Христа шли фабричные, крестьяне, желѣзнодорожные служащіе.

Его стали замѣчать. Необычайный ликъ Христа приковывалъ къ себѣ вниманіе. Останавливались, спрашивали другъ друга: кто это? Къ полдню у подножья холма уже стояла цѣлая толпа.

Наконецъ Христосъ, углубленный въ свои думы, замѣтилъ народъ.

Онъ поднялся и обвелъ всѣхъ тихимъ, ласкающимъ взглядомъ.

И отъ одного этого взгляда слезы покаянія подступили къ горлу; вспоминалась вся темная, пьяная, развратная жизнь; въ груди таялъ ледъ черствости, жестокости, злобы; тяжелые камни, тѣснившіе сердце, сползали сами собой, какъ пыль, уносимая вѣтромъ. Радостная надежда начинала трепетать въ душѣ. Надежда на то, что и рабы труда, нищеты, голода—всѣ дѣти одного Отца, что кончится когда-

нибудь эта каторжная земная жизнь съ невыносимыми муками своими, и Отецъ призоветъ въ обитель несчастныхъ, измученныхъ своихъ дѣтей. Дѣтство раннее вспоминалось, когда чистыя, кроткія, радостныя, какъ всѣ дѣти, бѣгали по берегу рѣчки Малѣевки, собирали раковины, и такъ дышалось легко, такое голубое, свѣтлое было небо, такія ласковыя родныя были деревья; плакать хотѣлось отъ того, что прошло оно, и смѣяться отъ счастья, отъ радостной вѣры, что вернется снова; что это тѣло состарѣлось, а душа станетъ чистой, прекрасной, божественной, какъ ея Создатель.

Христосъ поднялъ прозрачную руку свою, свѣтъ небесный озарилъ Его лицо, и Онъ, благословивъ народъ, разверзъ уста свои.

Нѣтъ, это не голосъ человѣческій. Это хоры ангеловъ незримые поютъ. И звуки голосовъ ихъ не улетаютъ въ бездушное пространство, а падаютъ глубоко, глубоко въ человѣческія сердца.

„Блаженны нищіе духомъ, говорилъ Христосъ, ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся.

Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю.

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ.

Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.

Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими".

Народъ оцѣпенѣлъ. Новыя, неслыханныя слова! Изъ какой дивной книги взялъ Онъ ихъ?

И снова поднялъ Христосъ руку свою и снова благословилъ народъ.

Какъ одинъ человѣкъ, всѣ тихо опустились на колѣни, и только нѣсколько дѣтей робко подошли къ Нему.

Старушка Макаровна, торговка сѣмянками, рыдала, прижимаясь своей морщинистой головой къ сырой землѣ.

— Батюшка... родименькій... шептала она:—пришелъ утѣшитель, Спаситель нашъ.

Уже больше никто не спрашивалъ: кто это? Сердце узнало—Кто. Долгіе годы оно ждало этихъ словъ, этого голоса. Теперь оно рвалось навстрѣчу ему.

— Говори, говори, учитель!...

А Онъ стоялъ, и свѣтлый ликъ его становился задумчивъ, тѣнь скорби ложилась на немъ.

Расталкивая народъ локтями, городовой кричалъ:

— Это что за толпа? Что тутъ такое?... Гдѣ? Кто тутъ?...

Онъ искалъ глазами.

— Расходитесь, расходитесь... Вамъ говорятъ! Добромъ просятъ...

Толпа медленно стала расходиться.

А съ холма снова раздался таинственный голосъ:

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное“...

Толпа снова замерла. Городовой съ удивленіемъ посмотрѣлъ на холмъ.

— Ты что орешь! По какому праву народъ собралъ. Проходи, а то въ участокъ отправлю. Ну, слышишь!.. И вы, братцы, расходитесь... а не то...

Онъ сталъ разгалкивать народъ въ разныя стороны.

— Дай послушать-то добраго человѣка, — сказалъ старичекъ.

— Въ церковь ступай, тамъ и слушай. А не то въ участокъ.

— Нехристь ты...

— Ну, не разговаривать!

И снова съ холма, словно радостный звонъ, прозвучалъ тотъ же голосъ.

„Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за меня“...

— Да что я шучу, что ли!—закричалъ городовой.— Маршъ съ холма. Что за безпорядокъ!

Толпа нерѣшительно потянулась къ городу. Христосъ, опустивъ голову, пошелъ за ней.

— Обязательное постановленіе читалъ? — строго спросилъ его городовой.

Христосъ молча покачалъ головою.

— Не велѣно сборищъ дѣлать. Въ участокъ вашего брата надо. Тамъ покажутъ...

— Я хотѣлъ учить народъ, — сказалъ Христосъ.

Городовой поднесъ къ его лицу громадный кулакъ.

— Видалъ?.. То-то же!..

Христосъ вошелъ въ городъ. Нѣсколько женщинъ и стариковъ изъ толпы въ отдаленіи шли за нимъ.

Всюду чувствовался „праздникъ“. Гулъ стоялъ отъ „краснаго звона“. Магазины были заперты. На лихачахъ въ бѣлыхъ перчаткахъ мчались визитеры.

Зизи встрѣтила свою подругу и закричала черезъ улицу:

— Машенька, Христосъ Воскресъ!

— Воистину, воистину... Я къ Курочкинымъ!

— А вечеромъ придешь?

— Не знаю...

Пугвицинъ шелъ, обнявшись съ Тереховымъ, и бормоталъ:

— Смертію смерть поправъ... Это, братъ... это, братъ, тебѣ не шутка...

Ника въ новыхъ перчаткахъ шелъ подъ руку съ Зоей.

— Я ни за что не буду съ нимъ христосоваться.

— Это вы такъ говорите, а потомъ возьмете и похристосуетесь.

— Вотъ еще!

— Ну, дайте мнѣ слово, что не будете.

— Да вамъ-то что?

— Вотъ странно.

Ника покраснѣлъ.

О. Іоаннъ Воздвиженскій только-что сѣлъ за столъ и очищалъ красное яйцо.

— А куличъ-то перекисъ, матушка...

— Полно тебѣ, ничего не перекисъ... Это отъ изюму.

— Перекисъ.

— Всегда ты мнѣ на зло выдумаешь.

— Не на зло, а только что надо во-время вставать. Дрыхнешь, а куличи перекисли...

— Это изюмъ, а не перекисли...

— Ужъ какой тамъ изюмъ... Ну-ка, колбаски дай...

Ваня вырвался-таки отъ гувернантки и, стоя посреди улицы, оралъ во все горло:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“...

Лошади въ испугѣ шарахались въ сторону.

— Ma tante, — говорилъ Коко, — Христосъ воскресе!

— Воистину...

— А поцѣлуй?..

— Я не христосуюсь.

— Но я же племянникъ.

— Мало ли что, но вы мой ровесникъ.

— Но, ma tante, вѣдь Христосъ же воскресъ!

— Знаю, знаю! Но о поцѣлуѣ и думать нечего!..

— Вы послѣ этого не христіанка!

Все ликовало, все радовалось. Звонъ росъ съ каждымъ часомъ. Лихачи мчались все быстрѣе. Генералы, офицеры, студенты, лицеисты, гимназисты, штатскіе, на парахъ, на рысакахъ — все двигалось, торопилось, неслось, какъ ураганъ.

Христосъ, никѣмъ не замѣченный, прошелъ черезъ весь городъ. Попрежнему за нимъ въ отдаленіи шло нѣсколько человѣкъ.

Выйдя за городъ, Христосъ остановился. Старый, старый старичекъ, не рѣшаясь подойти къ нему, всталъ на колѣни и прошепталъ:

— Воистину, воистину воскресъ!..

3.

Макаровну попуталъ нечистый. У сосѣдки былъ чуланъ, замокъ на немъ висѣлъ полусломанный, а въ чуланѣ хранились пустыя бутылки, которыми сосѣдка торговала.

Пришла Макаровна вечеромъ, уставшая, голодная: никто не купилъ ея сѣмянокъ. Ни денегъ, ни хлѣба. И приди ей на умъ забраться въ чуланъ и украсть пустыя бутылки. Старуха она старая, забрала бутылокъ много, пошла и упала на дворѣ. Сосѣдка ея, у которой она украла, съ бутылками этими и подняла. Пришелъ дворникъ, составили протоколъ. Макаровну отдали подъ судъ.

Макаровна просидѣла въ тюрьмѣ недолго: боялись, что не доживетъ до суда. Во имя правосудія дѣло ускорили. На первый день Ѳоминой недѣли подъ конвоемъ доставили въ судъ.

Макаровна покорно дожидалась своей очереди. Только глупыя слезы сами собой бѣжали по ея морщинистому лицу.

„Украла, согрѣшила, думала Макаровна; подѣломъ мнѣ. Судъ царскій! Заботится онъ объ насъ“!

Дошла очередь до Макаровны. Ввели ее въ залу суда.

Перекрестилась она на образъ и поклонилась на всѣ четыре стороны.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Макаровна.

— Это отчество, а имя ваше?

— Марья Данилова.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— На Казанскую семьдесятъ три было...

— Г. судебный приставъ,—сказалъ предсѣдатель:— нельзя ли закрыть въ коридоръ дверь и попросить не шумѣть.

Приставъ пошелъ исполнять приказаніе.

А въ коридорѣ въ это время происходило нѣчто странное. Какой-то человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, напоминающей рясу, не слушаясь сторожей, шелъ къ залѣ засѣданій. И тамъ, гдѣ онъ проходилъ, люди

останавливались, словно прикованные къ своему мѣсту.

— Вашъ билетъ? — спросилъ сторожъ неизвѣстнаго.

Но онъ тихо взялъ его руку, отстранилъ и прошелъ далѣе. И сторожъ также остался неподвижно прикованнымъ къ своему мѣсту.

Христосъ взошелъ въ судъ.

Въ непонятномъ смятеніи, словно застигнутые на мѣстѣ преступленія, присяжные встали со своихъ мѣстъ. Публика отпатнулась отъ рѣшетки, черезъ которую смотрѣла. Члены суда, прокуроръ быстро подошли другъ къ другу. Одинъ предсѣдатель, не двигаясь, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ.

— Прошу васъ удалиться изъ залы засѣданій!— съ трудомъ выговаривая слова, сказалъ онъ.

— „Не судите, да не судимы будете, — раздался голосъ Христа:—ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить“.

Макаровна, услышавъ знакомый голосъ, упала на колѣни и, вся просіявшая, словно молодость вернулась къ ней, проговорила:

— Батюшка, спаситель нашъ, прости меня грѣшную... украла... съ голоду...

— Г. приставъ, — строго сказалъ предсѣдатель,— распорядитесь убрать отсюда этого сумасшедшаго.

Но старичекъ приставъ не могъ сдвинуться съ мѣста.

Христосъ повернулся къ присяжнымъ и сказалъ:

— „И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего, а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего".

— Позвольте васъ предупредить! — возвысилъ голосъ предсѣдатель, — что виновный въ оскорбленіи суда подлежитъ строгой отвѣтственности!

— Помяни меня, родименькій, во царствіи твоемъ!—прошептала Макаровна и упала на полъ.

Жандармъ попробовалъ было поднять ее, но она грузно опустилась снова.

— Померла, ваше-ство!

— Объявляю перерывъ на полчаса,—сказалъ предсѣдатель.—Уберите этого!..

Но Христосъ сталъ невидимъ.

Медленно прошли въ свою комнату присяжные. Молча стала расходиться публика.

Макаровну унесли.

4.

Былъ храмовой праздникъ въ церкви Вознесенія. Народу набралась такая масса, что даже оба клироса были переполнены. Передъ иконой праздника, словно горящій снопъ соломы, ярко пылали свѣчи.

О. Никодимъ въ лучшихъ свѣтлыхъ ризахъ чинно совершалъ литургію. Онъ былъ человѣкъ простой, набожный. Любилъ свой храмъ, любилъ хорошихъ пѣвчихъ и особенно кадильный дымъ. Эта любовь осталась у него съ дѣтства; бывало, отецъ приходилъ отъ всенощной благословлять его на сонъ грядущій, отъ него такъ славно пахло ладономъ.

Староста у входа едва успѣвалъ продавать свѣчи и просфоры. Деньги звонко звякали на всю церковь, смѣшиваясь съ тихимъ пѣніемъ церковныхъ гимновъ.

— Не задерживайте; проходите, проходите,—мягко, но внушительно говорилъ староста тѣмъ, которые останавливались у конторки провѣрять сдачу.

Христосъ вошелъ въ этотъ храмъ и вмѣстѣ съ прочими подошелъ къ конторкѣ, гдѣ продавали свѣчи.

— „Возьмите это отсюда,—властно сказалъ онъ:— и дома Отца моего не дѣлайте домомъ торговли“!

— Что такое! Грабятъ!.. Батюшки!.. — понеслось по церкви.

— Что вамъ угодно? — спросилъ староста.

— Уйдите отсюда. Не дѣлайте домъ Отца моего домомъ торговли! — снова повторилъ Христосъ, и въ голосѣ Его была сила и власть.

— Я попрошу васъ не нарушать тишины въ церкви, иначе придется позвать сторожа и городового.

Гнѣвомъ вспыхнуло лицо Христа. Голосъ зазвенѣлъ на всю церковь, словно гласъ трубный. Онъ опрокинулъ столъ, на которомъ лежали свѣчи и просфоры, разсыпалъ деньги.

— Идите прочь отсюда! Здѣсь домъ Отца моего.

И слова Его жгли, какъ огонь. Трепетъ и смятеніе ужаса пронеслись по церкви.

— Не стыдно скандальничать, — обратился къ нему сторожъ. — Вѣдь здѣсь тебѣ не базаръ, — храмъ Божій.

Богослуженіе прекратилось. Народъ обступилъ Христа и старосту.

Христосъ говорилъ:

— „Настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ“.

О. Никодимъ подошелъ къ толпѣ и, вслушиваясь въ слова Христа, строго сказалъ ему:

— Неподобающее говоришь. Храмъ православный безчестишь.

— „Богъ въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ!

Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ".

Въ это время разслабленный, который все время на грязной цыновкѣ лежалъ у входа, подползъ къ ногамъ Христа.

— Дерзай, чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои,— обратился къ нему Христосъ.

— Богохульствуешь!—гнѣвно воскликнулъ о. Никодимъ.—Кто далъ тебѣ власть грѣхи прощать?

Христосъ повернулся къ нему.

— Что легче сказать: прощаются тебѣ грѣхи, или сказать: встань и ходи!?

Но чтобы вы знали, что сынъ человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи, говорю ему: встань и иди домой!

И на глазахъ у изумленной толпы разслабленный, какъ здоровый, поднялся съ полу, въ ноги поклонился Христу и благоговѣйно поцѣловалъ край Его одежды.

Тихо, опустивъ голову, о. Никодимъ пошелъ въ алтарь.

5.

Была ночь. Старичекъ Сила, ночной сторожъ, пріютилъ Христа у себя на ночлегъ.

— Все равно каморка пустая ночью, спи себѣ на здоровье.

Христосъ не спалъ, сидѣлъ у открытаго окна.

Въ дверь постучали.

— Это ты, Сила? — окликнулъ Христосъ.

— Можно?—произнесъ за дверью дрожащій голосъ. Дверь отворилась. Въ темнотѣ нельзя было разобрать лица вошедшаго.

— Кто это?

— Это я, о. Никодимъ... Я пришелъ къ тебѣ поговорить. Ты сегодня свершилъ чудо. Я знаю, что ты учитель, посланный отъ Бога... Но въ то же время слова твои такъ странны...

— О какихъ словахъ говоришь ты?

— О нерукотворенномъ храмѣ. О Богѣ, которому нужно поклоняться въ духѣ и истинѣ.

— „Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“.

— Да, но не училъ ли Христосъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, что Онъ созиждетъ церковь, и врата адовы не одолѣютъ ее.

— Не про вашу церковь сказаны эти слова.

— Но про какую? Гдѣ же другая церковь?

— Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ.

— Послушай, кто бы ты ни былъ, я вижу, что тебѣ открыто многое. Скажи, вѣдь церковь должна была развиваться, крѣпнуть, измѣняться. Не могли же при Христѣ такъ же молиться, какъ въ наше время. Не могло быть архіереевъ, митръ, такихъ облаченій, колоколовъ. Не могло быть всего того,

чѣмъ богата православная церковь. Но пойми, это доказываетъ ростъ церкви. Церковь созидается воистину. Ея измѣненія есть переходъ юности въ возрастъ мужа. Церковь не отмѣняетъ Евангеліе, но она толкуетъ его. Ея толкованіе есть раскрытіе, уразумѣніе тѣхъ истинъ, которыя заключены въ Евангеліи.

— Такъ говорили книжники и фарисеи двѣ тысячи лѣтъ назадъ, — тихо сказалъ Христосъ. — Они извратили законъ Моисеевъ. Они завѣсили уши народа, и онъ пересталъ слушать гласъ Божій; заповѣди его они умертвили толкованіями своими. И все это во имя торжества Божьяго дѣла на землѣ. Ростъ не въ колокольняхъ, не въ архіереяхъ, не въ клиросѣ, не въ вашихъ торгашахъ свѣчами — ростъ Церкви въ духѣ и истинѣ сыновъ Божіихъ. Когда мои апостолы шли на проповѣдь безъ серебра и золота, ужели это было ниже, чѣмъ выѣзды вашихъ архипастырей! Ужели ростъ Церкви — золото и серебро храмовъ вашихъ, когда братья ваши умираютъ отъ голода и нищеты.

— Но если такъ, если ты правъ, учитель, то тогда Церкви нѣтъ. Церковь отъ Христа отреклась; не сбылись пророчества Христовы. А тогда Христосъ не Богъ, и міръ неискупленный лежитъ во злѣ. Пойми, что кромѣ Евангелія есть еще преданія. По нимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе жила Церковь, и когда теперь она дошла до своего могуще-

ства и торжества, ты хочешь отречься отъ нея и все вернуть къ первобытному христіанству.

— Да знаешь ли, если бы сейчасъ пришелъ Самъ Христосъ и потребовалъ бы, чтобы Церковь возстановила старое ученіе Его апостоловъ — еще неизвѣстно, послушалась бы его Церковь или нѣтъ! Скорѣй не послушалась бы и была бы права. Христосъ ниже Церкви.

— Да, потому что люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій зло, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы! И книжники и фарисеи поставили свой человѣческій законъ, обычай, преданія выше голоса Божія; и храмы ихъ стали мертвы, а духъ Божій дышалъ не среди ихъ роскошныхъ храмовъ, а среди моихъ учениковъ, простыхъ рыбаковъ.

Ты спрашиваешь: гдѣ Церковь? Церковь тамъ, гдѣ двое или трое собираются во имя мое. А собираются во имя мое тамъ, гдѣ любовь, гдѣ правда, гдѣ таинственное благодатное общеніе. Церковь и въ вашихъ храмахъ, но не въ золотѣ ихъ, не въ ризахъ вашихъ, не въ блескѣ вашихъ владыкъ. Церковь ваша на паперти, гдѣ стоятъ нищіе и убогіе—дѣти мои. Если Церковь не въ любви была бы, то въ чемъ же? Не сама ли Церковь ваша на соборахъ своихъ устанавливала правила отлучать епископовъ, если ихъ поставитъ свѣтская власть, если

они перемѣнятъ каѳедры свои, если не будутъ собирать соборовъ; священнослужителей — за взиманіе денегъ за требы, мірянъ—за то, что не всегда пребываютъ въ молитвѣ. Гдѣ же хоть одинъ вѣрующій въ Церкви, который бы не былъ отлученъ отъ нея на основаніи собственныхъ постановленій Церкви?

— Учитель, ты не правъ. Измѣняются времена, измѣняется строгость въ исполненіи правилъ. Ты забылъ, что кромѣ жизни въ Богѣ существуетъ еще бытъ. Христіанству евангельскому надо считаться съ бытовымъ, примирить его съ собой, уступить ему.

— Нѣтъ, кто хочетъ быть ученикомъ моимъ, тотъ долженъ отвергнуться себя, всѣхъ привязанностей житейскихъ, всѣхъ привычныхъ условій жизни, взять крестъ мой и идти. И при апостолахъ моихъ тоже существовалъ бытъ, но они не ученіе мое искажали ради этого быта, а перевертывали всю жизнь, всѣ понятія. „Кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за мною, тотъ не достоинъ меня“.

— Странно говоришь ты... Но Христосъ пришелъ къ слабымъ, а ты требуешь силы.

— Что невозможно человѣку, то возможно Богу!

— Но почему же Церковь наша такъ велика, такъ могущественна?

Христосъ поникъ головой своей.

— Ты молчишь?

Христосъ молча поднялся съ своего мѣста. Лицо его свѣтилось во тьмѣ, и глаза сіяли.

О. Никодимъ тоже всталъ.

— Учитель... кто ты?

— Христосъ воскресшій!..

— Я ослышался... Ты богохульствуешь!—въ ужасѣ отстраняясь отъ Него, воскликнулъ о. Никодимъ.

Но въ это время свѣтъ окружилъ голову Спасителя, и образъ Его, знакомый по нерукотворенной иконѣ о. Никодиму, ясно выступилъ изъ темноты.

Звѣзды сіяли на небѣ. Стѣны комнаты, казалось, раздвинулись, и весь міръ сливался со своимъ воскресшимъ искупителемъ.

О. Никодиму послышался торжественный побѣдный гимнъ, который пѣли гдѣ-то въ глубинѣ его собственнаго сердца.

Онъ упалъ передъ Христомъ на колѣни, и изъ устъ его вырвался крикъ радости:

— Воистину воскресъ!

А Христосъ поднялъ его и сказалъ:

— Слушай, что значитъ величіе вашей Церкви. Уже двѣ тысячи лѣтъ я открылъ это людямъ, но они не послушали меня. Я открылъ имъ, что „праведники всегда будутъ гонимы“, а гонители никогда не будутъ правы. А гдѣ нѣтъ правды — нѣтъ Церкви.

Я открылъ имъ, что гоненія, муки, всяческая несправедливость — вотъ что ожидаетъ міръ передъ

моимъ пришествіемъ во славѣ. И отъ этихъ жестокостей „по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ охладѣетъ любовь“.

Евангеліе мое будетъ проповѣдано по всей землѣ; съ виду Церковь будетъ могущественна. Имя мое будетъ владычествовать надъ всѣми народами, но это и будетъ означать „мерзость запустѣнія, реченную черезъ пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ“.

Такъ не радуйтесь же господству вашей Церкви, оно знакъ скорой гибели ея. Ищите Церковь въ душахъ живыхъ и бойтесь тѣхъ, кто приходитъ подъ именемъ моимъ...

6.

Свѣтало. Городъ еще спалъ. Глухими переулками подъ конвоемъ гнали за городъ шестерыхъ солдатъ, приговоренныхъ къ разстрѣлу.

Въ казармахъ былъ бунтъ. Убили офицера. Тѣ, кто попроворнѣй, разбѣжались. Шестерыхъ арестовали. Покорные, сосредоточенные шли они къ мѣсту своей казни. Молодыя лица — простыя, мужицкія — были спокойны, словно шли по самому обыкновенному привычному дѣлу. Пригнали ихъ въ городъ на службу изъ деревни Вахрамеевки. А теперь ведятъ разстрѣливать. Ничего не подѣлаешь—служба. Вы-

шли за городъ, пошли по пыльной проселочной дорогѣ. Лѣсъ показался. Ужъ тамъ ждетъ кто-то. Это священникъ для послѣдняго напутствія.

Пришли.

Покорные, беззащитные, они стояли въ кучѣ и ожидали своей участи.

Закрутили имъ назадъ руки. Батюшка сказалъ напутствіе, далъ приложиться ко кресту. Выстроили въ рядъ. Противъ нихъ поставили взводъ солдатъ съ заряженными ружьями.

Офицеръ вынулъ бѣлый платокъ.

— Разъ!..

— Два!

— Три!

Но... никто не выстрѣлилъ.

Офицеръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Идетъ кто-то,—тихо сказалъ коренастый солдатикъ.

Офицеръ обернулся и посмотрѣлъ на дорогу. Черезъ поле быстро шла какая-то странная бѣлая фигура.

Офицеръ пришелъ въ себя и крикнулъ:

— Эй, убирайся отсюда прочь, покуда цѣлъ!

Но фигура шла по прежнему быстро, не останавливаясь. И по мѣрѣ ея приближенія солдаты, приговоренные къ смерти, чувствовали, что веревки, которыми они были связаны, сами собой слабнутъ и сползаютъ съ рукъ.

Вотъ Онъ подошелъ совсѣмъ близко. Лицо Его полно страданіемъ, глаза горятъ гнѣвомъ.

— Прочь отсюда!—кричитъ офицеръ:—или я прикажу...

Но слова его замираютъ на губахъ.

— Не убій! Не убій!—какъ громъ гремятъ слова Христа.

— Именемъ закона...

— Не убій!—властно произнесъ снова Христосъ.

Солдаты опустили ружья, угрюмо уставились въ землю.

— Послушайте... я не позволю... — бормоталъ офицеръ.

— „Вы слышали, что сказано древними: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего подлежитъ суду“.

Слова Христа что-то живое задѣли въ душѣ молодого офицера. Онъ нерѣшительно посмотрѣлъ сначала на солдатъ, приговоренныхъ къ смерти, потомъ на священника, потомъ на Христа...

— Но тогда меня разстрѣляютъ... потупясь, сказалъ онъ.

— Не бойся убивающихъ тѣло, бойся тѣхъ, кто убиваетъ душу!

— Всѣ такъ дѣлаютъ,—нерѣшительно проговорилъ офицеръ.

Подошелъ священникъ.

— Послушай, чадо,—сказалъ онъ, обращаясь ко Христу:—это ты бунтъ проповѣдуешь. Нигдѣ не сказано, что убивать нельзя. Это дѣйствительно, въ мирное время и по своему собственному желанію. А на войнѣ или по приговору законнаго суда... дѣло совсѣмъ другое. Ты, я вижу, начетчикъ, словами писанія говоришь. Но не всякій тоже слова эти разумѣетъ. Надо церковь спросить, какъ она толкуетъ.

— Отойди, сатана!-грозно проговорилъ Христосъ:-горе соблазнившему единаго отъ малыхъ сихъ. Лучше бы ему не родиться вовсе!

— Это бунтъ! Ты революціонеръ, вотъ ты кто!—злобно прошипѣлъ священникъ:—много вашего брата развелось.

Но Христосъ отвернулся отъ него и обратился къ офицеру.

— „Сберегшій душу свою“,—сказалъ онъ ему:—„потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради меня сбережетъ ее“!

„Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ“.

Молча, подчиняясь какому-то властному голосу внутри себя, офицеръ сталъ снимать вооруженіе, срывать погоны и, обернувшись къ арестованнымъ, сказалъ:

— Идите!..

Нѣсколько солдатъ тоже бросили ружья на землю и подошли ко Христу; среди нихъ былъ коренастый солдатикъ, первый замѣтившій Іисуса.

— Мы тоже пойдемъ... съ вами, ваше благородіе...

— Димитрій Николаевичъ! — крикнулъ священникъ, молча наблюдавшій все происходившее:—я батюшкѣ вашему все разскажу. Огорчите старика... Не по божьему это. Противъ присяги пошли. Батюшка вашъ, генералъ, не перенесутъ такого срама.

— „Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его“,—сказалъ Христосъ:—„и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его“!

— Врн, ври!—выходилъ изъ себя священникъ, грозя ему кулакомъ, въ которомъ былъ крѣпко зажатъ крестъ.—Я вотъ тебѣ покажу, сейчасъ къ генералу поѣду. Забылъ, сектантъ поганый, что сказано: „почитай отца твоего и мать твою“. Штунда безбожная!

— „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, недостоинъ меня“,—торжественно сказалъ Христосъ. „И кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня“!

И Христосъ пошелъ къ городу. Офицеръ и нѣсколько солдатъ пошли за Нимъ.

Оставшіеся не зная, что дѣлать, съ недоумѣніемъ смотрѣли имъ вслѣдъ.

Вернитесь, Дмитрій Николаевичъ!—крикнулъ священникъ вслѣдъ уходившимъ.

Но офицеръ даже не оглянулся.

— Ушелъ,—проворчалъ священникъ и прибавилъ, обращаясь къ солдатамъ:—этакій чудакъ. Отецъ генералъ. Домъ—полная чаша. Невѣста, говорили, есть. Охота на рожонъ лѣзть. Ну, куда теперь уйдетъ. Придетъ въ городъ, тамъ арестуютъ. Эхъ, молодость! Ни за что погибъ человѣкъ.

Ну, братики, а вы берите ружья и маршъ въ казармы. Будетъ вамъ по стакану водки за вѣрность отъ командира.

Бѣлыя одежды Христа скрылись въ утреннемъ туманѣ. Всходило солнце, и мягкіе красноватые лучи его осѣнили землю тепломъ и радостью.

7.

Христосъ со своими спутниками подошелъ къ городу, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла бѣлая новенькая церковь о. І. Воздвиженскаго.

О. Іоаннъ былъ въ это время въ церкви и надѣвалъ облаченіе. Ему предстояло хоронить своего добраго друга, Лазаря, совсѣмъ еще молодого человѣка, скоропостижно скончавшагося.

О. Воздвиженскій по натурѣ былъ человѣкъ мягкій и отъ души жалѣлъ бѣднаго друга.

Конечно, бывали и у нихъ ссоры, безъ этого нельзя, дѣло житейское.

Недавно еще Лазарь посмѣялся надъ о. Воздвиженскимъ за его толщину при старостѣ Бардыгинѣ, и очень это обидѣло о. Іоанна. Онъ даже не вытерпѣлъ и, выйдя провожать Лазаря въ прихожую, сказалъ ему укоризненно:

— Не хорошо надсмѣхаться надъ природнымъ свойствомъ.

— Какое же это природное свойство, о. Іоаннъ,— засмѣялся Лазарь:—развѣ вы родились на свѣтъ такимъ толстымъ! Просто это отъ пироговъ съ ливеромъ.

О. Воздвиженскій ничего не сказалъ на это и, не попрощавшись, ушелъ въ столовую.

Послѣ этого онъ два дня не былъ у Лазаря.

Бѣдный Лазарь, думалъ о. Воздвиженскій, посматривая изъ алтаря на бѣлый гробъ, стоявшій посреди церкви; жить бы да жить. Семья хорошая, средства имѣются. Вотъ кому ѣсть нечего, живутъ, а люди съ достаткомъ умираютъ.

О. Воздвиженскій вздохнулъ.

Церковь наполнялась народомъ. Сестра Лазаря, Марѳа, не будучи въ силахъ смотрѣть на гробъ, вышла изъ церкви, отошла къ оградѣ и рыдала, закрывъ лицо свое руками.

Христосъ замѣтилъ ее и подошелъ къ ней.

— Что съ тобой?—тихо спросилъ Онъ, прикасаясь рукой къ ея плечу.

Марѳа подняла на Него свои глаза и сказала, сразу замѣтно успокоившись:

— Умеръ братъ мой Лазарь. Мы жили такъ дружно, онъ былъ добрый такой, ласковый, всегда помогалъ ближнимъ. За что Богъ наказалъ насъ.

Снова слезы хлынули изъ ея глазъ, и она горько плакала.

Христу стало жаль ее, и слезы потекли по Его щекамъ.

И сказалъ онъ Марѳѣ:

— Если будешь вѣровать, увидишь славу Божію. пойдемъ въ храмъ за мной.

Въ голосѣ Христа была такая спокойная твердость, что Марѳа, не понимая, что Онъ собирается дѣлать, пошла покорно за Нимъ. Взошли и спутники Христа.

Трудно было пройти къ гробу, но передъ сестрой умершаго всѣ разступались.

Бардыгинъ сразу замѣтилъ Христа. Онъ подозвалъ къ себѣ Трофимыча и, указывая глазами, сказалъ шепотомъ:

— Опять этотъ сумасшедшій жидъ пришелъ. Ты бы того...

— Слушаю...

Трофимычъ, дѣловито расталкивая молящихся, пошелъ за Христомъ.

Но въ это время свершилось нѣчто неслыханное: Христосъ остановился у гроба, поднялъ глаза свои къ небу и сказалъ громко на всю церковь, такъ что всѣ услыхали Его слова.

—„Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ меня. Я и зналъ, что Ты всегда услышишь меня, но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго“!

Жутко стало всѣмъ отъ этихъ загадочныхъ словъ, отъ этого побѣднаго голоса.

Марѳа упала на колѣни предъ гробомъ и, рыдая, повторяла:

— Братъ, братъ!...

Трофимычъ подошелъ къ Христу и хотѣлъ взять его за руку. Но рука Трофимыча стала тяжелая, какъ свинецъ, и онъ не могъ пошевельнуть ею.

А Христосъ голосомъ подобнымъ грому небесному произнесъ:

— Лазарь, встань!...

И все затихло въ церкви. Въ ужасѣ жались другъ къ другу богомольцы, боясь вѣрить и въ то же время предчувствуя, что должно свершиться что-то.

И вотъ среди общаго безмолвія поднялся въ своемъ гробу усопшій...

Словно искра пробѣжала по толпѣ. Многіе въ паническомъ страхѣ бросились къ выходу, давя другъ друга, какъ дикіе звѣри, увидавшіе пожаръ.

— Осанна, осанна! —въ изступленіи выкрикивала больная юродивая. Неизъяснимый восторгъ охватилъ

учениковъ Іисуса. Они громко славословили Христа, и слова сами лились изъ ихъ устъ.

Марѳа, рыдая, обнимала Лазаря, который безмолвный, тихій, свѣтлый, какъ дитя, гладилъ своею рукою по волосамъ ея.

Бардыгинъ, совершенно смѣшавшись, зачѣмъ-то спѣшно пряталъ деньги въ конторку.

Дѣти внесли въ церковь свѣжія, молодыя вѣтви березы и бросали ихъ подъ ноги Іисуса.

Храмъ расцвѣлъ...

Восковыя свѣчи потухли сами собой, но еще никогда не было такъ свѣтло въ храмѣ, никогда такъ ярко не сіялъ онъ. Гдѣ-то слышалось пѣніе чистое, радостное, какъ могутъ пѣть только дѣти.

— Ангелы, ангелы поютъ!—кричала юродивая:—осанна сыну Давидову!

Церковь ликовала, рыдала, вѣрила, надѣялась. Церковъ жила. Церковь стала необъятной, какъ міръ, какъ вселенная, какъ сердце человѣческое.

И вышелъ Лазарь изъ гроба, палъ къ ногамъ Іисуса и облобызалъ ноги Его.

Изъ алтаря въ полномъ облаченіи показался о. Воздвиженскій. Видъ его былъ необыченъ; гнѣвомъ пылало его лицо.

— Уходи, уходи отсюда!—задыхаясь, крикнулъ онъ Іисусу:—Лазарь—мой другъ. Я радъ, что онъ живъ... Но нельзя въ церкви дѣлать этого. Никогда никто не воскрешалъ мертвыхъ... Это колдовство... Это

выдумки медіумическія... Симонъ Волхвъ ты... колдунъ!... Прочь отсюда!...

Христосъ не произнесъ ни слова и пошелъ къ выходу; за Нимъ пошли почти всѣ находившіеся въ церкви.

У Бардыгина тряслись руки, и онъ никакъ не могъ попасть въ замокъ ключемъ, чтобы запереть конторку съ деньгами. Къ нему подошелъ взволнованный до послѣдней степени о. Воздвиженскій.

— Я этого такъ не оставлю... Сегодня же поѣду къ митрополиту. Это изъ рукъ вонъ. Вотъ повадился къ намъ въ церковь! То деньги всѣ по полу разваливъ; то, изволите видѣть, мертвыхъ воскрешаетъ!

— Безпорядокъ, больше ничего,—едва сдерживая свое волненіе, произнесъ Бардыгинъ. Отъ испугу у него не попадалъ зубъ на зубъ:—Распустили народъ. Вѣшаютъ мало, вотъ они и шляются. А ты бы того...—обратился онъ къ стоявшему неподалеку околоточному:—узналъ бы, что это за субъектъ...

Въ оградѣ между тѣмъ народъ плотной стѣной окружилъ Христа и съ благоговѣніемъ слушалъ Его слова.

Христосъ говорилъ:

„Во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними...

Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищ-

ные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы?

Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые...

Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь...

Не всякій говорящій мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго"...

— Виноватъ, виноватъ; позвольте, господа! Это околоточный пробирался ко Христу.

— Во-первыхъ, я попрошу васъ безъ разрѣшенія градоначальника не произносить публичныхъ рѣчей,—строго, но вполнѣ корректно проговорилъ онъ, добравшись наконецъ до Христа,—иначе вы будете оштрафованы за устройство незаконнаго собранія до трехъ тысячъ рублей. А затѣмъ я бы попросилъ сообщить ваше имя, отчество и фамилію.

— Я — Іисусъ, изъ рода Давидова.

Околоточный вынулъ записную книжку и записалъ.

— Вы прописаны гдѣ-нибудь?

Христосъ молча отрицательно покачалъ головой.

— Но гдѣ-нибудь вы живете?

— Лисицы имѣютъ норы, а сынъ человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову.

— Паспортъ у васъ есть?

Снова Христосъ молча покачалъ головой.

— Какого вы вѣроисповѣданія?

— Я—іудей...

— Въ такомъ случаѣ вы здѣсь не имѣете права жительства!—почти съ радостью воскликнулъ околоточный:—вы можете жить только въ чертѣ еврейской осѣдлости. И вообще... вы мнѣ кажетесь крайне подозрительны... Я долженъ васъ препроводить въ участокъ!

Толпа угрожающе заволновалась. Околоточнаго быстро оттѣснили за ограду.

— Онъ—сынъ Божій!—кричала юродивая.

— Онъ воскресилъ Лазаря!—слышались голоса.

Изъ церкви вышелъ о. Воздвиженскій и, взявши околоточнаго за рукавъ, отвелъ въ сторону.

— Оставь, братъ,—сказалъ онъ: хуже—скандалъ будетъ. Пошумятъ и разойдутся. Приходи сегодня на пирогъ лучше. Потолкуемъ!...

Пріятели пожали другъ другу руки и разошлись...

8.

Митрополитъ созвалъ экстренное собраніе столичнаго духовенства.

Къ девяти часамъ вечера громадная пріемная митрополита была переполнена.

Полукругомъ сидѣли викарные епископы, за ними архимандриты, а дальше протоіереи, священники,

нѣсколько діаконовъ. Сбоку помѣстились именитые церковные старосты.

О. Воздвиженскій, о. Никодимъ и Бардыгинъ сидѣли за особымъ столомъ въ качествѣ докладчиковъ.

Ровно въ девять часовъ отворилась дверь изъ внутреннихъ покоевъ, и вышелъ митрополитъ.

Всѣ встали при его появленіи и въ поясъ поклонились владыкѣ.

Ананія былъ сухой, высокій старикъ, съ желтымъ нездоровымъ лицомъ, круглыми, сѣрыми пронизывающими глазами.

Быстро прошелъ онъ къ своему предсѣдательскому мѣсту.

Затѣмъ всѣ повернулись къ иконѣ, гдѣ было изображено распятіе Христа, и хоромъ запѣли:

„Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ свой глаголемъ: Пріидите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, явльшагося Христа“.

Снова въ поясъ поклонились владыкѣ и чинно сѣли на свои мѣста.

— Досточтимые отцы и возлюбленные братья,— началъ митрополитъ, когда полная тишина воцарилась въ залѣ. Онъ отчеканивалъ каждое слово; голосъ его былъ металлически рѣзкій.

— Я пригласилъ васъ сюда въ виду чрезвычайнаго событія. Въ городѣ появился зловредный еретикъ, по имени Іисусъ, смущающій умы народа! Въ

наше лихолѣтіе не новость появленіе и безбожныхъ рѣчей и безбожныхъ дѣлъ. Но въ появившемся бунтовщикѣ есть нѣчто особенное. И это-то именно и заставило меня обезпокоить васъ.

Конечно, какъ большинство крамольниковъ, онъ жидъ. Какъ всѣ наши современные анархисты, коммунисты, соціалисты и прочіе предтечи врага Христова, онъ полонъ разрушительныхъ замысловъ. Учитъ онъ солдатъ не повиноваться присягѣ, нарушать долгъ христіанскій, учитъ сопротивляться законному начальству и не исполнять смертной казни, произнесенной законнымъ царскимъ судомъ. И много другое.

Все это не ново. „Вкрались нѣкоторые люди“, говоритъ апостолъ: „издревле предназначенные къ сему осужденію, нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству и отвергающіеся единаго владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа“.

Новое другое здѣсь. Народъ волнуется не отъ словъ его, но отъ дѣлъ. Силою князя бѣсовскаго человѣкъ этотъ творитъ соблазнительныя для ума народнаго дѣянія, именуя ихъ чудесами. Даже осмѣливается вторгаться во святые храмы и воскрешать мертвыхъ. Сейчасъ о. Іоаннъ, о. Никодимъ, глубокоуважаемый Никаноръ Никифоровичъ Бардыгинъ разскажутъ намъ о видѣнномъ. И намъ сообща предстоитъ рѣшить со всей серьезностью, что предпри-

нять на защиту святынь православной церкви. Ибо здѣсь грозитъ бѣда и церкви и государству.

„Если оставимъ его такъ, то всѣ увѣруютъ въ него“; и придутъ англичане, японцы или жиды „и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ“...

Владыка смолкъ. Слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, и теперь сразу все пришло въ движеніе.

Слышались голоса:

— Вѣшаютъ мало!...

— Это просто переодѣтый экспропріаторъ...

— Онъ, говорятъ, бѣжалъ изъ тюрьмы...

— Колдунъ какой-то!...

— Сослать на Валаамъ и баста!

Мало-по-малу стали стихать.

— Досточтимые отцы и возлюбленные братья,— снова сказалъ митрополитъ: выслушаемъ очевидцевъ.

— О. Іоаннъ, слово принадлежитъ вамъ.

О. Воздвиженскій поднялся съ своего мѣста, видимо крайне смущенный. Никогда ему не приходилось говорить предъ такой большой и, главное, именитой аудиторіей.

И въ церкви своей, гдѣ кромѣ Бардыгина не было ни одного сколько-нибудь значительнаго человѣка, и то, когда онъ говорилъ проповѣди, дрожали его руки. А тутъ самъ высокопреосвященный, епископы, почти все духовенство.

Нѣсколько мгновеній о. Воздвиженскій не могъ выговорить слова. Наконецъ мысленно произнесъ: „Э, была—не была, помилуй, Господи!“ и началъ.

— Ваши высокопреосвященства, досточтимые отцы и возлюбленные братья! Человѣкъ, о которомъ вы изволите спрашивать, о которомъ я долженъ, такъ сказать, дать показанія очевидца и служителя храма, былъ у насъ два раза. Первый разъ, какъ разъ у заутрени на Пасхѣ. Произвелъ, конечно, безпорядокъ. Не къ мѣсту, и даже совсѣмъ гдѣ не подобаетъ возгласилъ „Воистину воскресъ!“ Но тутъ ничего особеннаго не произошло. Сторожъ его моментально вывелъ. На этомъ дѣло и кончилось.

Второй разъ пришелъ на похороны... Ну, и тутъ... дѣйствительно... сіе произошло... я ничего объяснить здѣсь не могу. Человѣкъ я простой, ваше высокопреосвященство, а только что дѣйствительно говоритъ другу моему, это покойнику то-есть: „Лазарь“,—говоритъ,—„встань“! Ну, и тутъ дѣйствительно...

О. Воздвиженскій замялся, не зная какъ выразиться. Сказать: Лазарь воскресъ, ему представлялось неудобнымъ.

— Ну,—нетерпѣливо торопилъ его владыка...

— Лазарь... послушался... всталъ.

Ропотъ изумленія и негодованія прошелъ по залѣ. Епископы крестились. Архимандриты покачивали головами. Священники вздыхали...

— Воистину послѣднія времена,—шепталъ старичекъ протоіерей.

— Ну, и что же послѣдовало затѣмъ?—спросилъ онъ.

— А затѣмъ я, ваше высокопреосвященство, велѣлъ ему удалиться. Онъ покорно безъ всякихъ сопротивленій ушелъ.

— Больше вы ничего не можете сказать, о. Іоаннъ?

— Болѣе того, ничего-съ...

— Слово вамъ принадлежитъ, Никаноръ Никифоровичъ.

— Я, ваше высокопреосвященство, къ сказанному о. Іоанномъ могу прибавить весьма немного. Какъ вышелъ этотъ самый субъектъ изъ церкви, я послалъ околоточнаго Судейкина навести справку, кто онъ и вообще на счетъ благонадежности.

. Результаты, какъ и слѣдовало полагать, оказались самые очевидные. Вѣры назвался жидовской, нигдѣ не прописанъ, и ко всему—живетъ безъ всякаго паспорта... Вотъ все, что я могу прибавить, ваше высокопреосвященство...

Онъ сѣлъ.

Всѣ съ видимымъ удовольствіемъ слушали рѣчь милліонера Бардыгина. Теперь хоть что-нибудь разъяснилось.

— Ну, понятно, бѣглый, — слышались удовлетворенные голоса: ни паспорта, ни вида...

— Ну, что за подлый народъ эти жиды. Вѣдь отвели имъ мѣсто: живи! Насъ не трогай, и мы тебя не будемъ трогать. Такъ нѣтъ таки—лѣзутъ, пархатые...

— Ну, теперь все ясно,—говорилъ толстый архимандритъ старичку епископу.

— Теперь слово за вами, о. Никодимъ,—сказалъ митрополитъ.

О. Никодимъ всталъ. Видъ у него былъ испуганный, съеженный. Ни на кого не поднимая глаза, тихимъ прерывающимся голосомъ и даже забывъ сказать обычное обращеніе, онъ сказалъ слѣдующее:

— Ко мнѣ въ церковь онъ пришелъ утромъ. Разбросалъ деньги по полу. Кричалъ, что нельзя здѣсь торговать, что здѣсь домъ Отца... Потомъ подползъ къ нему разслабленный. Онъ повернулся къ нему: „Прощаю“, говоритъ, „тебѣ грѣхи!“ — Кощунствуешь, — говорю. Онъ ко мнѣ:—„Хорошо“, говоритъ: „я ему по другому скажу. Возьми“, говоритъ, „постель и иди“. И тотъ сейчасъ же, какъ словно здоровый, всталъ...

О. Никодимъ не прибавилъ больше ни слова и, блѣдный, взволнованный почти до обморока, сѣлъ на свое мѣсто.

Въ залѣ было тихо. Владыка что-то писалъ. Отцы задумались.

— Прошу высказаться, — рѣзко прозвенѣлъ голосъ...

Всталъ толстый архимандритъ.

— Я, ваше высокопреосвященство, человѣкъ простой. По моему, на Валаамъ.

Сѣлъ.

Всталъ сѣдой, какъ лунь, епископъ Агафангелъ.

— Ваше высокопреосвященство! По моему, дѣло опасное. Народъ суевѣренъ. Лжечудеса этого богохульника могутъ имѣть страшныя послѣдствія для всего православнаго міра... Я предлагаю ходатайствовать передъ администраціей о немедленномъ запрещеніи этому человѣку, какъ устной проповѣди, такъ и литературной дѣятельности; если возможно, кромѣ того, по этапу отправить на мѣсто жительства...

Предложеніе Агафангела было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ.

Но вдругъ на заднихъ рядахъ поднялся молодой дьяконъ.

— Ваше высокопреосвященство,—сказалъ онъ:—я хотѣлъ бы сказать вотъ что. Нельзя судить, не выслушавъ обвиняемаго. Я вѣрю всѣмъ свидѣтелямъ, конечно; но свидѣтели описывали факты. Намъ важно знать, какъ ихъ объясняетъ самъ обвиняемый. Я предложилъ бы послать немедленно за нимъ. О. Никодимъ говорилъ, что онъ ночуетъ у одного сторожа въ его приходѣ. Времени на все это потребуется полчаса.

Предложеніе приняли единогласно. Рѣшено было

отправить о. Никодима за Іисусомъ, а покуда сдѣлать перерывъ на полчаса.

Въ десять часовъ вернулся о. Никодимъ.

— Привелъ, ваше высокопреосвященство,—доложилъ онъ.

Съ видимымъ любопытствомъ стали разсаживаться отцы по своимъ мѣстамъ.

Ананія занялъ свое мѣсто и, обратившись къ келейнику, сказалъ:

— Впустите его.

Взошелъ Христосъ. Бѣлыя, чистыя одежды Его были, какъ снѣгъ среди черныхъ рясъ духовенства, среди черныхъ монашескихъ клобуковъ. Ровнымъ неслышнымъ шагомъ вышелъ онъ на средину комнаты и остановился передъ Ананіей...

Благоуханіе наполнило комнату, словно дыханіе весеннихъ полей.

— Отцы собрались здѣсь,—началъ Ананія...

— „Отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ,—сказалъ Христосъ:—„ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ!“

— Прошу васъ не перебивать,—рѣзко остановилъ Его Ананія—отцы собрались здѣсь, чтобы рѣшить, какъ поступить съ вами. Намъ извѣстно, что вы ходите по городу и сѣете смуту; что вы врываетесь въ православные храмы и производите тамъ безпорядокъ.

Мы хотѣли бы, чтобы вы намъ дали свои разъясненія.

— „На сѣдалищѣ моемъ сѣли книжники и фарисеи"...—тихо проговорилъ Христосъ.

— Я прошу васъ отвѣчать на вопросъ,—снова прервалъ Его Ананія...

И вдругъ словно огнемъ освѣтилось лицо Христа. Въ испугѣ отшатнулись отъ него епископы и протоіереи, Ананія сгорбился и припалъ къ столу.

Послышался голосъ Христа, голосъ гнѣва, безжалостный, какъ бичъ, справедливый, какъ можетъ быть справедлива только одна любовь Божія.

— „Горе вамъ! книжники и фарисеи - лицемѣры, что затворяете царство небесное; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете!

Горе вамъ! книжники и фарисеи, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь; за то примите тѣмъ большее осужденіе!

Горе вамъ! книжники и фарисеи лицемѣры, что исполняете съ точностью внѣшнее благочестіе и оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру.

Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе..!

Горе вамъ! книжники и фарисеи - лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ, какъ внутри онѣ полны хищенія и неправды.

Горе вамъ! книжники и фарисеи-лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты.

Такъ и вы: по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія.

Горе вамъ! книжники и фарисеи-лицемѣры, что строите гробницы пророковъ и украшаете памятники праведниковъ.

Вы говорите: если бы мы были во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Но если бы къ вамъ пришелъ пророкъ, вы избили бы и замучили еще болѣе жестоко, чѣмъ отцы ваши.

Дополняйте же мѣру отцовъ вашихъ.

Вы—змѣи! Васъ породила ехидна! Какъ убѣжите вы отъ сужденія въ геенну?

Вотъ поэтому я пошлю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ и праведныхъ, и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить даже въ церквахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ.

Да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ отъ крови Авеля праведнаго до крови тѣхъ, которыхъ вы убиваете въ наши дни"!

И повернувшись къ именитымъ старостамъ, Христосъ продолжалъ:

„Горе вамъ, богатые! Ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ пресыщенные нынѣ, ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете“!

И, умолкнувъ, повернулся и быстро вышель вонъ.

Изумленіе и ужасъ смѣнились яростью, бѣшенствомъ! Оскорбить все собраніе, на которомъ инымъ заслуженнымъ архіереямъ было уже по восьмидесяти лѣтъ. Вмѣсто оправданія наговорить кучу дерзостей и передъ кѣмъ: передъ лицомъ всего столичнаго духовенства въ присутствіи самого митрополита. Это было слишкомъ. Совѣщаться больше было не о чемъ. Всѣ понимали, что теперь остается одно.

— Досточтимые отцы, возлюбленные братья,—прерывающимся голосомъ началъ Ананія:—завтра я буду у генералъ-губернатора, а теперь объявляю засѣданіе закрытымъ.

Снова всѣ поднялись, снова обратились къ Распятію и стройно запѣли:

„Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси, вземше крестъ свой, глаголемъ: Пріидите, пріимите Вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, явльвшагося Христа“...

9.

У Бардыгина былъ сынъ, нисколько на него не похожій. Худой, болѣзненный, задумчивый; онъ цѣ-

лыми днями сидѣлъ за книгами. Звали его Колей.

Отецъ не очень любилъ своего сына и часто съ тревогой посматривалъ на него.

— На кого только фабрику оставлю, какъ умру,— думалъ онъ:—все бы ему книги, все бы философія разная.

Пробовалъ Бардыгинъ пріучать его къ „дѣлу", но ничего не вышло. Тогда онъ рѣшилъ вышибить изъ головы его дурь другимъ путемъ.

— Только бы его отъ книгъ этихъ проклятыхъ избавить, а тамъ, какъ по маслу пойдетъ все. Малый не дуракъ!

Сталъ возить его въ театры и въ разныя увеселительныя мѣста. Нѣтъ, ничего не выходитъ. Посовѣтовался съ о. Іоанномъ.

— Жонить надо,—съ увѣренностью сказалъ тотъ.

Стали искать ему невѣсту. Но когда нашли, Коля сказалъ очень твердо, такъ что отецъ даже удивился, откуда у него такая прыть взялась, что, молъ, жениться не хочу ни на этой невѣстѣ, ни на какой другой.

Бардыгинъ тогда махнулъ рукой.

— Авось выростетъ, поумнѣетъ.

Этотъ самый Коля присутствовалъ на засѣданіи у митрополита. Его взялъ съ собой отецъ. Онъ слышалъ все отъ перваго до послѣдняго слова, и когда Христосъ пошелъ къ выходу, никѣмъ не замѣченный, вышелъ съ нимъ.

Долго онъ шелъ за Христомъ, не рѣшаясь подойти къ Нему.

Ночь темная; улицы пустыя; жутко было. Христосъ въ бѣлой одеждѣ своей не былъ похожъ на человѣка здѣшняго міра; потомъ эти странные разсказы про чудеса...

Наконецъ онъ рѣшился и робко окликнулъ Христа.

— „Учитель благій!“

Христосъ остановился и повернулся къ нему. Лицо Христа было блѣдное, измученное; крупныя капли слезъ дрожали въ Его глазахъ.

— Что сдѣлать мнѣ добраго, — нерѣшительно проговорилъ юноша,—чтобы имѣть жизнь вѣчную?

— Что ты называешь меня благимъ, — ласково сказалъ Христосъ: никто не благъ, какъ только одинъ Богъ. Если же хочешь войти въ жизнь вѣчную соблюди заповѣди...

— Какія?

— „Не убивай; не прелюбодѣйствуй; не крадь; не лжесвидѣтельствуй; почитай отца и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя“.

— Все это сохранилъ я отъ юности моей, — горячо отвѣтилъ юноша.—Чего еще недостаетъ мнѣ?

Христосъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Колѣ показалось, что вся душа его освѣтилась отъ этого взгляда.

Лицо Христа стало строгимъ, и Онъ сказалъ:

— „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за мной".

Тѣнь печали прошла по лицу юноши. У него было столько плановъ! Онъ хотѣлъ по окончаніи ученья поѣхать заграницу, объѣздить весь свѣтъ, все увидать, всему научиться; а вернувшись, посвятить себя общественной дѣятельности.

Коля безмолвно стоялъ, поникнувъ головой.

Христосъ сдѣлалъ движеніе продолжать свой путь дальше.

— Послушай,—остановилъ Его Коля: — неужели иначе нельзя? Неужели это необходимо?

— „Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе,"— отвѣчалъ Христосъ.

— Почему же о. Іоаннъ учитъ въ церкви, что это отъ Бога, что такъ и должно быть, чтобы одни были богатые, а другіе бѣдные. Однимъ для спасенья души нужна нищета, другимъ напротивъ богатство, чтобы они могли творить дѣла милосердія?

— Развѣ ты не знаешь, что когда ближній проситъ рубашку, нужно отдать ему и верхнюю одежду?

— Знаю.

— Развѣ ты не знаешь, что нужно любить ближняго, какъ самого себя?

— Знаю, учитель!

— Но, если ты будешь любить ближняго, какъ самого себя, можешь ли ты быть богатъ, когда есть нищіе. И много ли останется отъ богатства твоего, если ты всякому будешь отдавать не только рубашку, но и верхнюю одежду?...

Коля не зналъ, что отвѣтить, но и отказаться отъ всѣхъ своихъ грезъ, отъ всего, о чемъ онъ мечталъ съ такимъ жаромъ, о чемъ долгіе вечера разговаривали они съ другомъ Мишей, не хватало духа.

И, опустивъ голову, онъ пошелъ прочь отъ Іисуса.

10.

Молва о необычайномъ проповѣдникѣ въ бѣлыхъ одеждахъ разнеслась далеко за предѣлы столицы.

Народъ вереницей сопровождалъ Іисуса, и тамъ, гдѣ останавливался Онъ и начиналъ учить, быстро собиралась громадная толпа народа. Покуда нарядъ полиціи успѣвалъ явиться къ мѣсту сборища, Іисусъ уже училъ въ другомъ мѣстѣ, и другая толпа съ напряженнымъ вниманіемъ слушала такія новыя для нея слова.

Но далеко не всѣ одинаково сочувствовали тому, что говорилъ Христосъ.

Случалось, что кто-нибудь изъ толпы рѣзко прерывалъ Его, задавалъ вопросы съ явнымъ намѣреніемъ обличить Христа или въ сектанствѣ, или въ

политической неблагонадежности. Но Христосъ, къ радостному изумленію большинства, всегда нѣсколькими словами, простыми и ясными, безъ труда разбивалъ козни враговъ. Это приводило ихъ, буквально, въ ярость; и тогда они начинали грозить Ему тюрьмой и висѣлицей.

На другой день послѣ засѣданія у митрополита Христосъ рано утромъ вышелъ на площадь. Его уже ждалъ народъ, потому что Онъ часто приходилъ туда.

Христосъ чувствовалъ, что недолго Ему остается учить и потому съ какой-то особенной тихой лаской смотрѣлъ на окружавшую Его толпу. Это были по преимуществу простые люди, приказчики, дворники, прислуга. Въ отдаленіи стояло нѣсколько священниковъ, нѣсколько дамъ, какой-то офицеръ въ николаевской шинели.

Христосъ говорилъ:

„Пріидите, благословенные Отца моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили меня, былъ нагъ, и вы одѣли меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко мнѣ“.

„Кто любитъ меня, тотъ соблюдаетъ слово мое“.

„Не любящіе меня не соблюдаютъ словъ моихъ“.

„Вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ, а невѣрный въ маломъ невѣренъ и во многомъ“.

Вы должны или послѣдовать за мной, или не на-

зываться моими учениками, но открыто признать себя язычниками.

„Никакой слуга не можетъ служить двумъ господамъ. Нельзя служить Богу и мамонѣ“. Что высокимъ считается у людей: богатство, чины, роскошь, слова, то мерзость предъ Богомъ!

„Ибо всякій возвышающій самъ себя униженъ будетъ; а унижающій себя возвысится!

„Придите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ!“

Въ это время изъ толпы ко Христу подошелъ высокій сѣдой старикъ, сборщикъ на построеніе храма, въ какомъ-то полумонашенскомъ одѣяніи.

— Сладко поешь, — насмѣшливо сказалъ онъ:— гдѣ-то сядешь? Откуда такой взялся?

— Я—Іисусъ изъ Назарета,—проговорилъ Христосъ.

— Ну, этого я тамъ не знаю, а только что на улицахъ народъ мутить нельзя... вотъ что. Про какихъ это ты тутъ двухъ господъ толкуешь... Тоже, небось, понимаемъ вашего брата; небось, оба кармана прокламаціями набиты. Недаромъ балахонъ-то надѣлъ.

— А ты не мѣшай ему! Дай послушать....—вмѣшался какой-то молодой парень.

— Много ты понимаешь,—презрительно бросилъ ему старикъ:—тутъ противъ Царя и церкви право-

славной средь бѣла дня митингъ устроили, а ты: „дай послушать“.

— Да что ты самъ-то смыслишь! Ничего тутъ противъ Царя сказано не было. Говорятъ тебѣ: Богу, такъ Богу, а хочешь мамонѣ, валяй мамонѣ.

— А вотъ я сейчасъ тебѣ покажу!

И, обратясь ко Христу, старикъ сказалъ:

— Ну-ка, любезный: позволительно ли Царю подати платить?

Онъ подмигнулъ толпѣ и остановился въ ожиданіи.

Всѣхъ заинтересовалъ этотъ вопросъ. Съ ожиданіемъ слѣдила толпа за блѣднымъ лицомъ Христа.

Христосъ поднялъ свои задумчивые глаза и спросилъ:

— Есть у тебя какая-нибудь монета?

Старикъ недоумѣвающе уставился на Христа.

— Да ты что! Экспропріаторъ что ли?

— Давай, давай, ужъ онъ знаетъ!—нетерпѣливо понукали его со всѣхъ сторонъ.

Старикъ досталъ рубль.

— Вотъ, на! Рубль даю.

Христосъ не взялъ монету въ руки, а только спросилъ.

— Кто изображенъ здѣсь?

— Ну, что ты разыгрываешь-то,—съ неудовольствіемъ проворчалъ старикъ:—знаешь кто: Государь Императоръ.

— Такъ вотъ и отдавай Царю то, что ему принадлежитъ. Ну, а Божье Царю отдавать нельзя.

Купецъ молча спряталъ рубль и отошелъ.

А по толпѣ пронесся гулъ восторга. Но это былъ не легкомысленный восторгъ отъ внѣшней красоты отвѣта Христа. Видно было, что простыя сердца поняли, что хотѣлъ сказать Онъ, и поняли, сколько скорби, сколько жестокостей влечетъ за собой проведеніе этого отвѣта въ жизнь.

Христосъ поднялся, чтобы итти въ другое мѣсто, ибо опасно было оставаться на одной площади слишкомъ долго.

— Ты теперь куда пойдешь, учитель?—спросилъ Его одинъ человѣкъ изъ толпы.—Мнѣ бы хотѣлось послѣ догнать Тебя.

— А ты для чего хочешь уйти?—спросилъ его въ свою очередь Христосъ.

— Сегодня похороны моего отца.

— Иди за мной,—повелительно сказалъ Христосъ,— и предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ.

И человѣкъ изъ толпы, ни слова не говоря, пошелъ за Іисусомъ.

— Ахъ ты безбожникъ, —укоризненно говорила имъ вслѣдъ какая-то старуха, ни жалости, ни стыда, а еще на слово Божіе ссылается...

Когда Христосъ прошелъ нѣсколько улицъ, къ Нему приблизился очень юный молодой человѣкъ, видимо взволнованный и опечаленный.

Христосъ узналъ въ немъ одного изъ своихъ учениковъ.

— Что съ тобой?—спросилъ Христосъ.

— Учитель,—чуть не плача проговорилъ юноша:—ты велѣлъ намъ посѣщать заключенныхъ въ темницахъ. Я пошелъ, но меня они не пустили, требовали пропускъ, спрашивали, къ кому и по какому дѣлу. А когда я сказалъ, что хочу въ темницу не къ родственнику и не къ знакомому, а потому, что Іисусъ велѣлъ посѣщать заключенныхъ, они стали смѣяться надо мной, а потомъ чуть не избили меня.

— Утѣшься,—сказалъ ему Христосъ:—такъ поступали и съ пророками, бывшими прежде васъ...

11.

Ровно въ двѣнадцать часовъ карета митрополита остановилась у дома генералъ-губернатора.

Ананія въ праздничной шелковой рясѣ, въ бѣломъ клобукѣ, по парадной мраморной лѣстницѣ, взошелъ въ пріемную.

Низко кланялись ему лакеи, низко кланялись какіе-то генералы и штатскіе въ пріемной. Ананія привычнымъ жестомъ благословлялъ ихъ, но лицо его было озабочено и строго.

Генералъ-губернаторъ сейчасъ же принялъ владыку.

— Я къ вамъ, ваше превосходительство,—началъ митрополитъ, усаживаясь въ глубокое бархатное кресло, по весьма важному дѣлу.

— Чѣмъ могу служить вашему высокопреосвященству?

— Извините меня, ваше превосходительство; конечно, я не осмѣлился бы вторгаться въ вашу, такъ сказать, гражданскую область, но есть нѣчто, что слишкомъ соприкасается единовременно и съ церковью, и, такъ сказать съ администраціей. Такъ вотъ, не изволили ли вы слышать, ваше превосходительство, о нѣкоемъ человѣкѣ въ странномъ одѣяніи, который расхаживаетъ безъ паспорта по улицамъ столицы и учитъ народъ не повиноваться Государю и Православной Церкви?

— Да, до меня доходило что-то такое, ваше высокопреосвященство, но нѣчто весьма туманное, такъ что я даже не могъ понять, въ чемъ дѣло, и полагалъ, что это или душевно-больной, или сектантъ.

— Вы отдали какое-нибудь распоряженіе, ваше превосходительство?

— Да, я приказалъ наблюдать... и въ случаѣ чего донести мнѣ.

— Ваше порученіе, осмѣлюсь замѣтить, ваше превосходительство,—нервно передергиваясь, проговорилъ владыка:—исполняется въ высшей степени халатно.

— Вы меня тревожите, ваше высокопреосвященство.

— Это не сектантъ и не сумасшедшій, это нѣчто похуже анархиста!

— Не можетъ быть.... Что же и бомбы.... и вообще...

— Онъ открыто призываетъ войска къ возмущенію, онъ врывается въ залъ засѣданія суда, онъ разгуливаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, по всѣмъ улицамъ, устраиваетъ за городомъ массовки. И кромѣ того творитъ срамъ и гнусность въ православныхъ храмахъ.

— То есть... что же, собственно, экспропріаціи... или... вообще...

— Лже чудеса, ваше превосходительство!

Генералъ-губернаторъ нѣсколько секундъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на владыку.

— Чу-де-са!... раздѣльно проговорилъ онъ.

— Лже-чудеса, ваше превосходительство.

Генералъ-губернаторъ поежился на своемъ креслѣ.

— Но, ваше высокопреосвященство... это ужъ касается, такъ сказать, духовной администраціи.

— Я полагаю, ваше превосходительство, что здѣсь затронуты оба вѣдомства.

— Да, конечно, косвенно это касается и насъ. Но однако, какія же это чудеса творитъ этотъ негодяй?

— Воскрешаетъ мертвыхъ.

Генералъ-губернаторъ чуть не упалъ съ своего кресла. На минуту онъ былъ въ увѣренности, что владыка спятилъ.

— Впрочемъ, можетъ быть, я сплю,—бормоталъ генералъ:—я читалъ гдѣ-то, что бываетъ что-то въ такомъ родѣ. И незамѣтно для владыки ущипнулъ себя за ногу.—Нѣтъ, ничего, чувствую... Странно...

— Да-съ, ваше превосходительство, осмѣливается врываться въ православные храмы и тамъ воскрешать мертвыхъ!

— Изумительно,—проговорилъ генералъ-губернаторъ, съ трудомъ приходя въ себя.

Съ минуту молча смотрѣли другъ на друга два администратора. Вдругъ генералъ-губернаторъ просіялъ.

— Теперь я все понимаю! Очень, очень вамъ благодаренъ, ваше высокопреосвященство. Это безусловно относится къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Не говорите болѣе ни слова. Я сейчасъ скажу по телефону, и все будетъ сдѣлано.

— Ужъ будьте такъ добры, ваше превосходительство.

— Можете быть покойны, ваше высокопреосвященство. Еще разъ очень, очень вамъ благодаренъ.

И онъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку, которая благословляла его.

12.

О Христѣ говорилъ весь городъ. Разсказъ о воскрешеніи Лазаря переходилъ изъ устъ въ уста. Многіе не вѣрили, но всѣ интересовались.

Извѣстный врачъ Рыбниковъ сдѣлалъ очень научное предположеніе, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ видомъ гипноза, дѣйствующаго на летаргію.

Другой ученый выразилъ предположеніе, что скорѣй мы здѣсь имѣемъ дѣло съ сомнамбулическимъ явленіемъ.

Зоя призналась Никѣ, что вотъ уже три ночи не можетъ заснуть, все ей мерещится воскресшій Лазарь.

Матушка Анна Петровна, жена о. Воздвиженскаго, на всякій случай велѣла окропить квартиру святой водой.

Появилось новое обязательное постановленіе, запрещающее хоронить усопшихъ въ открытыхъ гробахъ.

Всѣ чего-то ждали. Какое-то новое выраженіе появилось на всѣхъ лицахъ.

— Что, молъ, не слыхали ничего.... такого..?

И вдругъ по городу разнесся слухъ. Слухъ самый обыкновенный, но какъ-то всѣхъ необычайно ошеломившій.

Проповѣдника въ бѣлой одеждѣ арестовали!..

Конечно, это было такъ естественно, но все же это такъ не гармонировало со всеобщими ожиданіями, въ которыхъ не всѣ признавались, но которыя всѣ носили гдѣ-то глубоко въ своей душѣ.

Чудо... воскрешаетъ мертвыхъ... новый пророкъ...

И вдругъ все такъ просто, повседневно. Пришли полицейскіе и преспокойно посадили въ кутузку чудотворца!

Всѣ считали себя даже нѣсколько, какъ бы обиженными.

Нечего было и народъ смущать и подавать поводы къ разнымъ надеждамъ. И лучше бы лежалъ этотъ Лазарь, какъ подобаетъ покойнику, въ могилѣ, а то шумъ, разговоры, а изъ-за чего, спрашивается?

Немногіе жалѣли Христа.

— Я сегодня на зло ему не пошла въ гимназію и встала въ двѣнадцать часовъ дня,—сказала Зоя Никѣ.

— Испеки-ка, мать, пирогъ съ вязигой по этому случаю,—добродушно сказалъ о. Воздвиженскій своей супругѣ.

— А нашего-то чудотворца забрали!—весело сказалъ одинъ ученый другому ученому, встрѣтившись съ нимъ въ университетѣ.

Христа арестовали за городомъ, поздно вечеромъ.

Съ немногими учениками Своими, по обыкновенію, пошелъ Онъ за городъ въ любимую березовую рощу.

Когда стемнѣло, рощу окружили солдатами, и нарядъ полиціи человѣкъ въ двадцать явился арестовать Христа.

Ждали сопротивленія, и потому всѣ были вооружены съ головы до ногъ.

— Какъ будто на разбойника, вышли вы на меня въ полномъ вооруженіи,—сказалъ имъ Христосъ.— Развѣ не каждый день училъ я открыто на улицахъ города?

Полицейскіе смутились отъ этихъ простыхъ словъ Христа, сказанныхъ безъ всякаго гнѣва: не такого преступника ждали они найти.

Словно агнецъ непорочный шелъ, Христосъ, въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, окруженный толпой вооруженныхъ солдатъ и городовыхъ.

А въ это время митрополитъ. Ананія стоялъ у телефона и звонилъ къ генералъ-губернатору.

— Это вы, ваше превосходительство?

— Я, ваше высокопреосвященство!

— У меня къ вамъ большая просьба, да я только не знаю, не явится ли это, такъ сказать, нарушеніемъ законовъ Имперіи?

— Помилуйте, ваше высокопреосвященство, все, что въ моей власти, я готовъ для васъ сдѣлать.

— Я все на счетъ того бунтовщика... Помните?..

— Ну, разумѣется. Онъ уже взятъ, ваше высокопреосвященство. И, представьте, безъ всякаго сопротивленія. Сейчасъ сообщилъ мнѣ по телефону приставъ.

Не извольте больше безпокоиться. Можете спокойно предаваться служенію Всевышнему.

— Нѣтъ, я не о томъ. Мнѣ ужъ сообщили, что онъ взятъ. Я бы хотѣлъ имѣть съ нимъ свиданіе.

— Очень хорошо.

— Но, вы понимаете, ваше превосходительство, въ моемъ санѣ неудобно посѣщать тюрьмы, особенно въ такое лихолѣтіе... это можетъ возбудить толки.

— Ну, разумѣется, я понимаю, ваше высокопреосвященство. Сегодня же арестованный будетъ доставленъ въ ваши покои.

— Глубоко благодаренъ вамъ, ваше превосходительство.

— Помилуйте, ваше высокопреосвященство!

13.

— Я призвалъ тебя, чтобы говорить съ тобой, какъ пастырь съ заблудившейся овцой, — сказалъ Ананія, когда келейникъ ввелъ Іисуса въ низкій темный кабинетъ митрополита.

Христосъ молчалъ.

Круглые, острые глаза Ананіи внимательно всматривались въ лицо Іисуса.

— Ты долженъ быть со мной откровененъ. Въ моихъ рукахъ твоя участь.

Христосъ по прежнему не произносилъ ни слова и прямо смотрѣлъ въ лицо Ананіи.

Владыкѣ стало жутко, и онъ, чтобы скрыть свое смущеніе, сказалъ:

— Что же ты ничего не отвѣчаешь?

— Зачѣмъ ты звалъ меня?—спросилъ Христосъ.

— Я звалъ тебя для того, чтобы все обошлось безъ суда, чтобы ты раскаялся во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Ты молодъ, ты могъ ихъ совершить по неопытности, по увлеченію...

— Въ чемъ хочешь ты заставить раскаяться меня?

— Ты не признаешь Церковь, — сурово сказалъ Ананія.

— Какую?

— Церковь одна. Святая православная Церковь.

— Да, Церковь одна,—сказалъ Христосъ:—единая Церковь Христова.

— Ты играешь словами. Я не для шутокъ позвалъ тебя.

Ананія нахмурился. Руки его быстро перебирали четки.

— Ты знаешь, что Христосъ оставилъ Евангеліе, а не Церковь. Церковь строилась долгіе вѣка. Церковь—это сонмы святыхъ; отъ мучениковъ первыхъ вѣковъ до затворниковъ нашихъ.

— Да,—сказалъ Христосъ,—среди мучениковъ первыхъ вѣковъ было много святыхъ, были и среди затворниковъ. Но почему ты говоришь о нихъ? Они—Церковь Христова.

— Но тогда ты, значитъ, хочешь сказать, что ты не признаешь всего того ученія, которое создано вѣками, зиждется на преданіи отцовъ нашихъ?

— „Вы, оставивъ заповѣдь Божію, какъ фарисеи двѣ тысячи лѣтъ назадъ, держитесь преданія человѣческаго, омовенія кружекъ и чашъ и дѣлаете многое подобное этому“.

Ананія едва сдержался, чтобы не прогнать отъ себя узника. Но что-то властно притягивало его къ Нему.

Ананія снова пристально посмотрѣлъ на Христа.

Комната была почти темная, свѣтъ изъ-подъ абажура падалъ лишь на столъ.

И лицо Христа, блѣдное, съ глубокими, необычайнымъ свѣтомъ сіявшими глазами, словно въ черной рамѣ выступало изъ темноты.

Ананія впервые замѣтилъ необычайное сходство узника съ нерукотвореннымъ образомъ Христа.

Страхъ и желчная ненависть сжали его сердце.

И вотъ, приподнимаясь съ своего мѣста и въ упоръ глядя въ глаза Іисуса, онъ тихо, но твердо спросилъ Его.

— Кто ты?

Христосъ молчалъ.

— Заклинаю тебя Богомъ Живымъ,—возвысилъ голосъ владыка:—скажи мнѣ, кто же ты, наконецъ?

— Христосъ воскресшій.

Владыка отшатнулся отъ Іисуса и, прижимая четки къ груди своей, прошепталъ:

— Богохульствуешь...

Христосъ безмолвно смотрѣлъ на него изъ черной рамы, какъ образъ нерукотворенный.

— Постой, — насъ никто не слышитъ. Тебѣ не для чего лгать. Я слишкомъ старъ, чтобы повѣрить твоей сказкѣ.... Чѣмъ ты можешь подтвердить слова свои?

— Слова мои и дѣла мои свидѣтельствуютъ обо мнѣ.

— Дѣла? Да, конечно, ты воскресилъ Лазаря. Но читалъ, что писали въ газетахъ: это могла быть простая летаргія... Да и потомъ я не видалъ этого.

— Послушай!

И Ананія почти въ упоръ подошелъ къ Іисусу. Въ глазахъ его вспыхивали огоньки.

— Послушай. Сдѣлай что-нибудь здѣсь... Хоть какое-нибудь знаменіе. Ну, пусть передвинется эта лампа... Понимаешь, я увѣрую въ тебя сейчасъ же... Если можешь, ты долженъ это сдѣлать. Долженъ для спасенія людей. Ибо если увѣруетъ митрополитъ, увѣруетъ и вся Церковь, если ты...

— „Родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія,“—гнѣвно перебилъ его Христосъ: „и знаменія не дастся ему“.

— Ага... Я зналъ, что ты мнѣ отвѣтишь такъ,— почти крикнулъ владыка въ лицо Христу, весь передергиваясь отъ бѣшенства.

Ты безсиленъ это сдѣлать съ глазу на глазъ, когда нѣтъ толпы. Для твоихъ фокусовъ нужна обстановка!..

Христосъ воскресшій! Ну, посмотримъ, воскреснешь ли ты, когда тебя вздернутъ по приговору военнаго суда!

П вытянувъ руку, въ которой дрожали четки, митрополитъ проговорилъ:

— Ступай!

14.

На улицахъ передъ зданіемъ суда, во дворѣ, по коридорамъ, всюду были усиленные наряды полиціи.

По городу прошелъ слухъ, что черносотенцы хотятъ захватить Христа и расправиться съ нимъ самосудомъ.

Генералъ-губернаторъ отдалъ распоряженіе, въ случаѣ если Христа оправдаютъ, немедленно арестовать Его въ административномъ порядкѣ.

Публику пускали въ залъ суда по билетамъ. Было много высокопоставленныхъ дамъ, которыя въ лорнетъ съ любопытствомъ осматривали подсудимаго.

Христосъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, погруженный въ свои думы. Два жандарма съ шашками наголо стояли за нимъ.

Въ одиннадцать часовъ приставъ громко произнесъ:

— Прошу встать. Судъ идетъ!

Медленно взошелъ предсѣдатель судебной палаты, предводитель дворянства, въ камергерскомъ мундирѣ, и другіе сословные представители. За ними съ порт-

фелемъ въ рукахъ и озабоченной физіономіей взошелъ прокуроръ, очень худой, высокій господинъ среднихъ лѣтъ, лысый, въ пенснэ.

Начались обычные вопросы.

— Какъ ваше имя и фамилія?

— Іисусъ изъ рода Давидова.

— Откуда родомъ?

— Изъ Назарета.

— Какъ?—переспросилъ предсѣдатель.

— Изъ Назарета,—спокойно повторилъ Христосъ.

— Но вы русскій подданный?

— Одинъ Владыка мой и Отецъ, Господь Богъ!..

— А!.. не безъ иронiи протянулъ предсѣдатель.

— Вѣроисповѣданія?

— Я—іудей.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать три.

— Званіе ваше?

— Сынъ плотника.

Затѣмъ предсѣдатель спросилъ Христа, признаетъ ли Онъ себя виновнымъ въ томъ, что училъ народъ не убивать, не судить, слушаться Бога больше, чѣмъ Царя, хулилъ православную церковь и, наконецъ, творилъ ложныя чудеса и сѣялъ суевѣріе, говоря, что онъ Христосъ воскресшій.

Христосъ выслушалъ все молча и, не отвѣтивъ ни слова, сѣлъ на свое мѣсто.

Предсѣдатель пожалъ плечами и велѣлъ ввести свидѣтелей.

Взошло нѣсколько человѣкъ, часто ходившихъ вмѣстѣ съ Іисусомъ. Кромѣ того Бардыгинъ, о. Воздвиженскій и о. Никодимъ.

— Свидѣтели,—обратился къ нимъ предсѣдатель:— вамъ, за исключеніемъ священнослужителей, предстоитъ принять присягу. Помните, что вы должны показывать одну только правду, какъ передъ Богомъ; за всякую ложь вы будете отвѣчать передъ закономъ.

Свидѣтели подошли къ аналою, около котораго ждалъ ихъ старичекъ-батюшка.

Вдругъ въ залѣ раздался голосъ Христа.

— А я говорю вамъ, не клянитесь вовсе: ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землей, потому что она подножіе ногъ Его. Но да бу́детъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ того, то отъ лукаваго".

— Господинъ подсудимый,—строго остановилъ Его предсѣдатель, — прошу васъ говорить только, когда васъ спрашиваютъ.

Приняли присягу. Начались свидѣтельскія показанія.

Свидѣтели подтвердили все сказанное въ обвинительномъ актѣ.

Да, Христосъ дѣйствительно ходилъ по улицамъ и училъ, что не надо убивать, судить, клясться; что Божіе нужно отдавать Богу, а Царю Божіе отдавать нельзя; воскресилъ Лазаря, силой ворвавшись въ церковь.

Наконецъ, слово было предоставлено прокурору.

Высокій, лысый человѣкъ всталъ и началъ говорить. Говорилъ онъ красиво, убѣдительно, съ искреннимъ воодушевленіемъ. Это былъ человѣкъ набожный и горячій патріотъ.

— Господа судьи и сословные представители!— говорилъ онъ:—Мнѣ нечего доказывать вамъ виновность подсудимаго. Она уже доказана единогласными свидѣтельскими показаніями. Я хочу лишь разъяснить суду всю важность настоящаго дѣла, чтобы потребовать самаго строгаго наказанія. Подсудимый, господа судьи, въ своихъ преступленіяхъ не останавливается ни предъ чѣмъ. Не только онъ учитъ народъ не убивать, когда этого убійства требуетъ безопасность родины; не убивать, когда этого требуетъ коронный судъ; не только свершается кощунственное воскрешеніе мертваго,—онъ идетъ дальше, разсчитывая на невѣжество массъ: онъ выдаетъ себя за воскресшаго Христа.

Господа! Мы всѣ любимъ нашу великую Россію, и всѣ хотимъ ей одного только блага; а если такъ, то намъ должно строго карать всѣхъ, кто осмѣливается потрясать ея священныя основы.

Христосъ училъ быть покорнымъ всякому человѣческому начальству; Христосъ создалъ церковь православную; Христосъ черезъ апостоловъ благословилъ смертную казнь, поразивъ Ананія и Сапфиру; Христосъ благословилъ христолюбивое воинство и праведный судъ.

Разрушающій эти святые завѣты подъ прикрытіемъ слова Божія, не только преступникъ, но и безбожникъ.

Господа, я требую для подсудимаго высшей мѣры наказанія.

Рѣчь прокурора произвела глубокое впечатлѣніе. Предсѣдатель, чтобы скрыть слезы умиленія, сталъ сморкаться.

Нѣсколько дамъ усиленно изъ флакончиковъ нюхали нашатырный спиртъ: онѣ боялись, что имъ сдѣлается дурно.

Но когда залъ нѣсколько успокоился, предсѣдатель обратился къ обвиняемому:

— Слово принадлежитъ вамъ.

Всѣ съ любопытствомъ обернулись къ Іисусу. Что могъ сказать этотъ загадочный человѣкъ, не боявшійся называть себя Христомъ, и какой-то темной силой, почти колдовствомъ, воскресившій Лазаря.

Но Христосъ не произнесъ ни одного слова.

Въ залѣ было полное разочарованіе. Молодые по-

мощники присяжныхъ повѣренныхъ были увѣрены, что обвиняемый отдѣлаетъ прокурора.

Едва судъ поднялся, чтобы удалиться для совѣщанія, какъ грозные крики понеслись изъ коридора. Въ публикѣ началась паника.

Оказалось, что разъяренная толпа, не будучи въ силахъ дождаться конца судебнаго засѣданія, оттѣснила полицію и ворвалась въ судъ.

Напрасно сторожа пытались остановить. Въ ярости бросились озвѣрѣвшіе люди въ залъ, почти смяли пристава, публику и завыли, увидавъ Христа.

— Вотъ онъ! Вотъ безбожникъ! Распять его! Пусть издохнетъ жидъ жидовскою смертью. Хочешь Христомъ называться,—такъ на крестъ его!

Въ нѣсколько минутъ сломана была рѣшетка; нѣсколько грубыхъ рукъ схватили Іисуса, и разъяренная толпа почти на рукахъ понесла Его къ выходу.

У входа въ судъ, на дворѣ и на улицѣ стояло нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Дикими криками встрѣтили они Христа. Казалось, всѣ сейчасъ готовы были броситься на Него и растерзать Его въ клочья.

— Слушайте, народъ! Слушайте!—напрягая свою шею, кричалъ какой-то человѣкъ въ поддевкѣ.

Когда нѣсколько стихло, онъ, громко выкрикивая каждое слово, сказалъ:

— Обманщикъ-жидъ въ нашихъ рукахъ. Онъ назвалъ себя Христомъ...

Буря негодованія снова охватила толпу, снова яростные крики смѣшивались съ площадною бранью, и десятки рукъ потянулись къ Іисусу.

Еще съ большимъ трудомъ удалось успокоить толпу.

— Собакѣ собачья смерть! — снова сталъ выкрикивать тотъ же голосъ.—Пусть же онъ будетъ распятъ. Выведемъ Его за городъ и повѣсимъ на крестъ, какъ подлую собаку...

Хохотъ, ругань, дикующіе неистовые крики были отвѣтомъ на это предложеніе.

— Распнемъ! Распнемъ его! — гремѣла толпа.

Іисуса схватили и повлекли за собой.

Полиція даже не пыталась вмѣшиваться: жида бьютъ, значитъ можно.

А народъ со свистомъ, гамомъ и руганью велъ Христа за городъ. Какой-то шутникъ сдѣлалъ изъ крапивы вѣнокъ и надѣлъ его на голову Іисуса. Гулъ одобренія привѣтствовалъ эту шутку. Многіе плевали Ему въ лицо и говорили: „радуйся, Христосъ воскресшій“!

Какой-то господинъ въ бобрахъ нѣсколько разъ съ ожесточеніемъ ударилъ Христа по головѣ тростью.

— Христосъ идетъ! Христосъ идетъ! — визжали мальчишки и дергали Христа за одежду, бросали въ Него грязью.

Недалеко отъ той площади, гдѣ чаще всего училъ Іисусъ, навстрѣчу толпѣ шелъ крестный ходъ съ хоругвями, съ иконами, крестами, съ цѣлой вереницей духовенства.

Узнавъ, кого это ведутъ, многіе отстали отъ крестнаго хода и пошли съ толпой за городъ распинать Христа.

И чѣмъ дальше шла толпа, тѣмъ все увеличивалась она, тѣмъ сильнѣе ярость опьяняла ее. И они били Христа по лицу и спрашивали: „ну-ка, узнай, кто Тебя ударилъ“?

Пришли за городъ; откуда-то принесли досокъ, сдѣлали крестъ и подъ вой неистоваго восторга начали приколачивать Христа ко кресту.

— Знай нашихъ, жидорва!—въ изступленіи оралъ человѣкъ въ поддевкѣ. — Вотъ тебѣ казнь православная. Мало вамъ Кишинева, порхатые, сюда прилѣзли!..

— Распни! Распни Его!..—неистово неслось отовсюду.

Кровь лилась изъ рукъ и ногъ Іисуса, но измученное лицо было свѣтло и спокойно.

Подняли крестъ. Народъ увидалъ распятаго. На

одно мгновеніе что-то, похожее на колебаніе, почувствовалось въ толпѣ.

Но человѣкъ въ поддевкѣ заоралъ:

— Ура! Да здравствуетъ жидорва!..

И какъ внезапная буря, ярость съ удвоенной силой охватила народъ.

Столбъ врыли въ землю. Отошли отъ него и стали бросать въ распятаго, чѣмъ ни попало.

— Ну-ка, воскресни, воскресни! — совсѣмъ опьянѣвъ, орала поддевка.

И вдругъ изъ чистаго голубого неба пронесся грозный раскатъ грома.

Толпа стихла.

Новый ударъ, еще грознѣй и ужаснѣе. И наступила тьма.

И былъ слышенъ чей-то голосъ съ неба:

„Да, Онъ воскреснетъ. Но Онъ больше ужъ не придетъ учить васъ. Онъ придетъ судить. Судить тирановъ, жестокихъ поработителей народа, всѣхъ гонителей, обагрившихъ землю святой человѣческой кровью. Судить большихъ и малыхъ инквизиторовъ, которые именемъ Его жгли, творили неслыханныя злодѣйства, грабили, обманывали, казнили, мучили, пытали, гноили въ тюрьмахъ.

„Онъ скажетъ имъ, что напрасно думали они, что чаша гнѣва Господня не переполнится никогда. Нѣтъ, беззаконія можно творить до срока. Черезъ всю исторію земли прошелъ Іисусъ и на протяженіи всей

исторіи били Его, плевали въ Его лицо, надѣвали на Него терновый вѣнецъ, распинали Его на крестѣ.

„Сколько разъ приходилъ Онъ, сколько разъ не узнавали Его и возводили на лобное мѣсто.

„Больше Онъ не придетъ учить.

„Ждите Его страшнаго суда всѣ вы, пресыщенные богачи, оскверняющіе жизнь похотью; земные владыки, превратившіе свободныхъ дѣтей Божіихъ въ рабовъ и подданныхъ; пастыри, продавшіе Церковь князю міра сего!

„Ждите! Явится знамя сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“!..

ЭПИЛОГЪ.

Книга эта написана не великимъ апостоломъ. Авторъ ея самый обыкновенный смертный, имѣвшій наивную привычку съ любовью читать священное писаніе, и отъ природы не лишенный живого отношенія къ окружающему.

Она написана не по вдохновенію свыше; а потому, согласно дѣйствующимъ законамъ страны, въ которой она написана, была представлена въ цензурный комитетъ.

На засѣданіи цензурнаго комитета старшій цензоръ, человѣкъ очень желчный и рѣшительный, сказалъ:

— Ну, объ этой книгѣ не можетъ быть двухъ мнѣній: книгу слѣдуетъ конфисковать и какъ можно скорѣе! Книга болѣе, чѣмъ вредная...

— Но... собственно,—нерѣшительно замѣтилъ молодой цензоръ, — какія же статьи закона нарушены въ ней? Вѣдь, кажется...

— Всѣ статьи!—перебилъ его старшій цензоръ.— Призывъ къ бунтовщическимъ дѣяніямъ, оскорбленіе суда, оскорбленіе Величества, хула на православную церковь... Это не Христосъ — это анархистъ... Это Бакунинъ!.. Это чортъ знаетъ, что такое!.. За одно названіе въ Сибирь мало... на висѣлицу мало...

Цензоръ выпилъ воды. Никто болѣе не произнесъ ни слова.

И цензурный комитетъ единогласно постановилъ: „книгу Вал. Свенцицкаго „Второе распятіе Христа" конфисковать и возбудить противъ автора судебное преслѣдованіе по возможности по всѣмъ статьямъ уголовнаго уложенія".

Молодой цензоръ внесъ тогда новое предложеніе.

Въ виду того, что почти все, что говоритъ Христосъ въ этой книгѣ, представляетъ изъ себя сплошной плагіатъ изъ другой книги, называемой Евангеліемъ, то не сочтетъ ли цензурный комитетъ нужнымъ возбудить ходатайство предъ соотвѣтствующимъ учрежденіемъ объ изъятіи Евангелія изъ продажи...

— Нѣтъ... это излишне,—подумавъ, сказалъ старшій цензоръ: — къ Евангелію... такъ сказать, привыкли... Нѣтъ, Евангеліе ничего!..